

С.М. Хенкин

Иммиграция в испанском интерьере

Аннотация. В статье анализируются вклад иммигрантов в экономическое развитие Испании, а также результаты взаимодействия переселенцев и коренного населения на социальном и бытовом уровнях. Особое внимание уделяется психологическим сложностям, возникающим в ходе «встречи культур», в частности формированию ложных стереотипов массового сознания.

Abstract. The immigrants' contribution to the economic development of Spain and interaction between the international migrants and indigenous population at social and domestic levels are analyzed in this article. Special attention is paid to the psychological difficulties which arise when different cultures meet, such as false stereotypes in mass mind.

Ключевые слова: иммиграция, интеграция переселенцев, мировой экономический кризис, мусульмане, толерантность, ксенофобия.

Keywords: immigration, integration of migrants, world economic crisis, Muslims, tolerance, xenophobia.

В 1970–1980-е годы Испания из страны эмиграции превратилась в страну иммиграции. Фундаментальная смена переселенческой парадигмы объяснялась прежде всего социально-экономической модернизацией, начавшейся еще в конце 1950-х годов и резко увеличившей потребность в дешевой рабочей силе, которую не мог удовлетворить внутренний рынок трудовых ресурсов. Сказалось и неуклонное снижение рождаемости, обусло-

вившее заметное сокращение доли экономически активного населения. Демографическую ситуацию мог изменить к лучшему лишь приток иностранных рабочих. Крах авторитарного франкистского режима и политическая демократизация общества также стимулировали наплыв иностранцев, стремившихся обосноваться в Испании.

Испания превратилась в одного из мировых лидеров по приему иммигрантов. И хотя с началом глобального кризиса, затронувшего Испанию в 2008 г., приток переселенцев в страну ослабел, а отток усилился, они превратились в новую, весомую часть населения. В 2014 г. в стране проживали 4,9 млн иммигрантов (10,7% населения). Больше всего было румын – 940,3 тыс. (19,2% от общей численности переселенцев). Далее шли марокканцы – 774,4 тыс. (15,8%), британцы – 269,8 тыс. (5,5%), итальянцы – 210,3 тыс. (4,3%), эквадорцы – 203,7 тыс. (4,2%), китайцы – 187,8 тыс. (3,8%), болгары – 181,7 тыс. (3,7%), колумбийцы – 148 тыс. (3%) (9).

За последние десятилетия Испания накопила значительный иммиграционный опыт. Его уроки – как позитивные, так и негативные – представляют большой научный и политико-практический интерес, в особенности для стран, имеющих относительно небольшой иммиграционный «стаж», и в частности для России.

Социально-экономические аспекты испанского иммиграционного опыта

Иммигранты вносят существенный вклад в экономику Испании. Они создают примерно 10% ВВП страны (14). Переселенцы внесли значительную лепту в формирование рынка труда Испании. Благодаря их присутствию были созданы миллионы рабочих мест. Так, в 1995–2005 гг. из 6,8 млн новых рабочих мест 4,2 млн заняли испанцы, а 2,6 млн – иммигранты (7, с. 95).

По социальному составу иммиграция весьма неоднородна. Значительная часть переселенцев из стран Евросоюза – квалифицированные рабочие, служащие, занятые в ТНК. Вместе с тем часть иммигрантов из ЕС работает на непрестижных, плохо оплачиваемых должностях. Доля последних заметно возросла после вступления в ЕС Румынии и Болгарии, выходцы из которых выбирают Испанию в качестве постоянного места жительства. Что касается

переселенцев из средне- и слаборазвитых стран, то большая часть их – низкоквалифицированные рабочие, хотя и в этой среде есть работники, занимающие престижные, хорошо оплачиваемые должности (это прежде всего служащие административно-управленческого аппарата, специалисты).

Доля экономически активного населения среди иммигрантов – как мужчин, так и женщин – значительно выше, чем среди коренного населения, и наглядное представление об этом дает следующая таблица.

Таблица 1

Уровень экономической активности коренного населения и иммигрантов (в %)

Годы	Все трудоспособные			Испанцы			Иностранцы		
	2005	2007	2009	2005	2007	2009	2005	2007	2009
Все трудоспособные	57,4	58,9	59,9	55,6	56,7	57,3	75,5	75,9	77,1
Мужчины	68,8	69,3	68,6	67,2	67,2	66,1	84,9	85,2	84,7
Женщины	46,4	48,9	51,6	44,5	46,5	48,8	66,2	66,9	69,3

Источник: 7, с. 96.

Из табл. 1 видно, что рост экономической активности женщин-иностранок происходил непрерывно и не остановился даже в годы глобального экономического кризиса. Массовый приток в страну иммигрантов позволил нанимать домашнюю прислугу из их числа и расширить женский сегмент экономически активного населения. Напротив, среди мужчин, как иммигрантов, так и испанцев, с наступлением кризиса наблюдалось падение уровня экономической активности. При этом масштабы падения среди иммигрантов были неодинаковыми.

Как явствует из табл. 2, наиболее экономически активными были иммигранты из Латинской Америки, как мужчины, так и женщины. Примерно на том же уровне держалась экономическая активность мужчин – выходцев из «других регионов мира» (имеется в виду прежде всего Африка). Этого нельзя сказать о женщинах-африканках, уровень экономической активности которых был самым низким. Переселенцы из стран Европейского союза, особенно женщины, в 2005 г. занимали последнее место. Однако после вступления в ЕС в 2007 г. Болгарии и Румынии, жители которых нередко

избирали новым местом жительства Испанию, их показатели заметно улучшились. Соответственно, снизились показатели экономически активного населения «других стран Европы», «потерявших» иммигрантов из Болгарии и Румынии.

Таблица 2

Уровень экономической активности иммигрантов из разных регионов мира (2005–2009) (в %)

Годы	Европейский союз			Другие страны Европы			Латинская Америка			Другие регионы мира		
	2005	2007	2009	2005	2007	2009	2005	2007	2009	2005	2007	2009
Все трудоспособные	57,7	70,8	74,4	81,6	72,5	71,2	82,4	82,8	83,6	70,1	69,9	69,5
Мужчины	64,5	79,5	81,6	90,0	76,8	77,1	88,7	88,7	87,1	88,5	87,8	85,7
Женщины	51,2	62,1	67,2	72,9	69,3	66,2	77,2	77,9	80,6	42,2	43,9	46,4

Источник: 19, с. 196.

В 2009 г. 72,5% иностранных рабочих, имевших официальное право заниматься в Испании трудовой деятельностью, работали в шести секторах экономики: в строительстве, сельском хозяйстве, торговле, гостиничном и домашнем хозяйстве, в административных и вспомогательных службах (доля коренного населения, занятого в этих отраслях, составляла 43,5%). В одних секторах (строительство, гостиничное хозяйство) они выступали как конкуренты коренных жителей, в других (домашнее и сельское хозяйство) не составляли им конкуренции, заполняя необходимые вакансии на рынке труда (7, с. 107). Правда, в годы кризиса эта ситуация изменилась из-за усиления конкуренции.

Переселенцы находят работу в Испании, хотя уровень безработицы здесь с конца 1970-х годов является одним из самых высоких в Западной Европе. Дело в том, что коренные жители, даже числящиеся безработными, не торопятся занимать непрестижные и плохо оплачиваемые места в строительстве, сельском хозяйстве, становиться домашней прислугой. Избирательность в выборе места работы во многом объясняется повышением жизненного уровня миллионов испанцев в результате формирования в годы демократии государства всеобщего благоденствия, а также вступления страны в 1986 г. в ЕС. Играет роль и повышение образовательного

уровня населения. Так, в 1987 г. у 44% экономически активного населения было среднее, техническое или высшее образование, а у 56% – начальное образование. В 2001 г. ситуация кардинально изменилась: 74% населения имели высшее, среднее или техническое образование и только 26% начальное (4, с. 95–97). Нередко испанцы бывают придирчивы в выборе работы и потому, что в этой стране очень развиты родственные связи и потому часть людей располагает средствами к существованию благодаря поддержке семьи.

Иммигранты же зачастую соглашаются на любые предлагаемые им условия труда, поскольку зарабатывают в Испании больше, чем на родине. К тому же рассчитывать на чью-то поддержку им особенно не приходится. По данным испанских социологов, основная масса переселенцев имела на родине более престижную работу, как правило, соответствовавшую уровню их профессиональной подготовки. Вместе с тем по истечении нескольких лет проживания в Испании социальный статус части иммигрантов несколько улучшился по сравнению с первым местом работы. Так, по данным опроса, проведенного в 2010 г., 12,3% опрошенных переселенцев были на родине техническими специалистами и научными работниками. После переезда в Испанию найти работу, соответствующую их уровню квалификации, удалось лишь 5,8% иммигрантов. Однако через несколько лет доля технических специалистов и научных работников возросла до 8,5%. Метаморфоза произошла и с неквалифицированными рабочими. Их доля возросла с 13,5% до 38,3%, но затем снизилась до 29,4% (25, с. 137).

Большинство переселенцев, опрошенных в 2010 г., имели среднее образование – 55,3% (у испанцев этот показатель был равен 52,8%). Далее следовали лица с начальным образованием – 21,6% (у испанцев – 13,8%), высшим образованием – 21,4 (у испанцев – 33,3) и неграмотные – 1,7% (у испанцев – 0,1%). Доля лиц с высшим образованием составляла 34,5% у выходцев из стран ЕС, 15,8 – у латиноамериканцев и 9,9% – у африканцев. Доля иммигрантов, имевших среднее образование, была самой высокой у латиноамериканцев – 65,5%, 54,9 – у переселенцев из ЕС и 40,6% – у выходцев из Африки. Среди лиц с начальным образованием больше всего было африканцев – 43%. Далее следовали латиноамериканцы – 18,7% и выходцы из стран ЕС – 10,4%. Африканцы лидируют и по числу не-

грамотных – 6,6%. У иммигрантов из ЕС этот показатель равен 0,2%, а у латиноамериканцев – вообще нулевой (7, с. 100).

Статистические данные подтверждают уже отмечавшееся ранее несоответствие между уровнем образования иммигрантов и выполняемой ими работой. Хотя в 2010 г. 76% чужестранцев имели среднее или высшее образование, непропорционально большая часть их выполняла низкоквалифицированную или грязную работу. Это касается прежде всего женщин, которые в среднем обладают более высокой квалификацией, чем мужчины. Неквалифицированной работой занимались 38,4% иммигрантов-мужчин и почти вдвое больше (75,5%) иммигранток-женщин. Примечательно, что сходное распределение ролей наблюдалось и среди коренных жителей. Только 19% испанцев выполняли низкоквалифицированную работу, у испанок эта цифра составляла 37% (7, с. 109).

Сотни тысяч переселенцев (по некоторым оценкам, от 800 тыс. до 1 млн человек) вовлечены в сферу теневой экономики. Существенный вклад в развитие теневой экономики – важного компонента всей экономики Испании – вносят нелегальные иммигранты. Предпринимателям выгодно иметь дело с официально незарегистрированными работниками, поскольку это позволяет им снижать издержки производства путем экономии на заработной плате, уклонения от уплаты налогов и взносов в систему социального обеспечения.

Прибежищем нелегальных иммигрантов стал аграрный сектор, где они используются на самых тяжелых и плохо оплачиваемых работах. Распространенность «черной занятости» в этой отрасли экономики отчасти связана с тем, что властям весьма сложно контролировать положение дел в сельском хозяйстве из-за высокой степени мобильности работников. Испанский опыт свидетельствует о существовании взаимозависимости между иммиграцией и развитием аграрного сектора. Потребность последнего в рабочих руках привлекает сюда переселенцев, а их присутствие стимулирует появление новых сфер приложения рабочих рук. По словам испанского автора И. Паласиоса, «некоторые из сфер занятости не существовали бы, если бы предприниматели не располагали дешевой и полностью подчиняющейся им рабочей силой, готовой на самый тяжелый и опасный труд» (10, с. 140).

В целом позиции иммигрантов на рынке труда менее защищены и более уязвимы, чем позиции коренных жителей. В годы глобального кризиса вдвое больше переселенцев работали по временным контрактам (50% против 25% испанцев) (7, с. 111). Безработица также в значительно большей степени затрагивает переселенцев. Так, в 2011 г. ею были охвачены 39,1% иностранных рабочих против 18,4% испанцев (17, с. 23). Двукратное превышение численности иммигрантов по сравнению с коренными жителями сохранялось и в дальнейшем. Например, в Каталонии в 2013 г. насчитывалось 40,6% трудящихся-иммигрантов против 20% трудящихся-испанцев (3, с. 22).

Особенно сильно глобальный кризис ударил по переселенцам-мужчинам. Уже в 2009 г. треть их них (33,1%) оказались безработными. Многие переселенцы были заняты в строительном секторе, долгие годы считавшемся локомотивом испанской экономики, но серьезно пострадавшем в кризисные годы. Женщины-иммигрантки, значительная часть которых работает домашней прислугой, в меньшей степени ощутили на себе удары кризиса (25,5% безработных), однако условия их труда ухудшились (7, с. 97). «Очень высокий уровень безработицы в Испании и перспективы экономического роста на родине побуждают многих иммигрантов вернуться домой», – отмечали аналитики Мирового банка, имея в виду переселенцев из Латинской Америки» (15, с. 15).

В Испании, так же как и во многих других странах, существует дискриминация и маргинализация иммигрантов на рынке труда. Этот рынок разделен на два сегмента – своего рода ядро и периферию, принципиально отличающихся друг от друга. Первый сегмент включает квалифицированных работников, имеющих стабильную занятость и вполне приличный уровень оплаты труда. Во второй входят малоквалифицированные и неквалифицированные работники с нестабильной занятостью и низкими заработками. Иммигранты присутствуют в обоих сегментах рынка труда, но преобладают во втором. В основе дуализации рынка труда лежит прежде всего этнический фактор. Лучшие места занимают выходцы из европейских стран (и не только членов ЕС), худшие – переселенцы из Африки. Впрочем, определенное распространение получил и третий сегмент рынка труда – предприятия, хозяин которых и все или большинство работников – иммигранты. Этническая со-

лидарность становится основой экономического успеха таких предприятий.

Социально-психологические аспекты испанского опыта

Многие иммигранты уезжают с родины из-за тяжелых условий существования и ограниченных возможностей социального продвижения. Испания, где утвердилась демократия и несколько десятилетий царило экономическое благополучие, представлялась им страной, где мечта об обеспеченном и стабильном будущем может осуществиться. Для выходцев из африканских стран привлекательна географическая близость Испании, для латиноамериканцев – культурная близость (у 75–90% последних сложился позитивный образ этой страны) (20, с. 416). Существенно и то, что переселившиеся в Испанию иммигранты оказывают сильное воздействие на своих родственников и друзей, поощряя их к переезду и помогая им найти здесь работу и жилье.

Жизнь на новом месте складывается совершенно по-разному. У одних иммигрантов мечта об обеспеченном будущем сбывается, у других оборачивается горьким разочарованием. По-разному они оценивают и отношение к ним местного населения. Показательны данные опроса среди латиноамериканцев, проведенного в 2004 г., но отнюдь не утратившего злободневности. Большинство респондентов сказали, что в Испании к ним относятся «хорошо» (47%) или «очень хорошо» (6%). Вместе с тем весьма значительным оказался и удельный вес переселенцев, придерживавшихся противоположного мнения: 19% заявили, что к ним относятся «плохо», а еще 4% – что «очень плохо» (24% «не знали, что ответить, или не ответили на этот вопрос»). Разброс мнений среди переселенцев из разных латиноамериканских стран оказался велик. Самую высокую оценку отношения к себе со стороны испанцев дали иммигранты из Доминиканской Республики, Венесуэлы, Мексики и Чили. У выходцев из Эквадора и Боливии, напротив, негативные оценки преобладали над позитивными (20, с. 405–406).

Опрошенные переселенцы из Латинской Америки порой жалуются на дискриминацию со стороны коренного населения, с которой они сталкиваются в повседневном общении. Глубоко ранит их и то, что в Испании они вынуждены выполнять неквалифи-

цированную работу по необходимости, на родине же их профессия и социальный статус были совсем иными. Иммигрантка из Колумбии с горечью говорит: «Некоторые люди думают, что если ты работаешь здесь домашней прислугой, то это потому, что у тебя нет соответствующего уровня образования и культуры. Они не понимают, что у многих из нас есть профессия и мы лучше профессионально подготовлены, чем они» (2, с. 167).

Примечательны данные опроса, в соответствии с которым у 78% латиноамериканцев в Испании «нет друга», хотя, казалось бы, общность языка могла бы резко усилить дружеское общение. Схожая ситуация наблюдается у марокканцев, китайцев, румын (20, с. 416).

Сложнее всех интегрироваться в испанское общество мусульманам, перед которыми встают прежде всего проблемы религиозно-культурного плана. Нормы и образ жизни секуляризованного испанского общества вызывают не только непонимание, но зачастую и отторжение у носителей исламских традиций. Мусульмане резко критикуют гонку за материальными благами в «секуляризованной и обмирщенной Испании», «духовное падение» общества потребления, расшатывание структуры семьи, отсутствие уважения к старшим.

Особняком стоят мусульмане, занимающие радикальные позиции. Они считают Испанию «своей землей», на которой их предки проживали семь веков назад. А теперь они «вернулись на историческую родину» (Аль-Андалус – так именовалась по-арабски в VIII–XV вв. мусульманская часть Пиренейского полуострова). Наиболее радикально настроенные из них «одержимы идеей, что Испания находится в историческом долгу перед ними, поскольку она раздавила бывшее величие самой известной цивилизации из существовавших на Западе в Средние века. Эта часть мусульман воспринимает себя в качестве прямых наследников мусульман из Аль-Андалус и в силу этого считает себя вправе предъявлять претензии, они убеждены в своих естественных и исторических правах на эту землю» (24, с. 151–152).

Но так реагируют на испанские реалии далеко не все мусульмане. У значительной их части начинает размываться ощущение мусульманской идентичности, они – с разной степенью глубины и последовательности – усваивают западные ценности и

привычки. В этом отношении показательны данные репрезентативного социологического обследования, проведенного в 2008 г. по заказу правительства Испании, министерств культуры, юстиции, труда и иммиграции в мусульманской переселенческой общине. 76% респондентов сказали, что им «нравится жить в Испании», 20 – заявили, что здесь «так себе» и 4% подчеркнули, что им здесь «не нравится». Примечательно, что на степень удовлетворенности жизнью в Испании влияет продолжительность пребывания их в стране. Если среди мусульман, проживших в Испании менее года, доля «довольных» составляла 70%, то среди тех, кто провел здесь более десяти лет, эта доля возросла до 83% (11, с. 19).

В сознании большинства переселенцев сложился глубоко позитивный образ Испании. 87% опрошенных считают, что здесь «много свободы», 70 – отмечают, что здесь «очень высокий уровень жизни» (правда, в предкризисном 2007 г. эта цифра была выше – 83%), 75 – признают, что люди в Испании «порядочные и внушают уважение», 68% утверждают, что к иммигрантам здесь «относятся хорошо» (11, с. 19).

86% опрошенных заявили, что уже привыкли к испанским обычаям. Но при этом на первом месте в шкале социальной самоидентификации у них продолжала оставаться страна, в которой они родились. Об уровне социально-культурной интеграции переселенцев можно судить по степени их идентификации со своей старой и новой родиной. Если взять шкалу, на которой 0 баллов соответствует отсутствию идентификации, а 10 баллов – ее максимальному выражению, то средний уровень идентификации мусульман-иммигрантов со страной происхождения составлял 8,7 балла, а с Испанией – 7 баллов. По мере увеличения продолжительности проживания в Испании степень идентификации со страной происхождения ослабевала, хотя и незначительно (с 9,2 балла у тех, кто прожил здесь менее года, до 8,2 балла у тех, кто находился на новой родине более десяти лет) (11, с. 21).

24% респондентов не удовлетворены жизнью в Испании. Среди аргументов неудовлетворенных на первом месте стояло отсутствие работы (56%). Далее следовали: тоска по семье/друзьям (30%), трудности в получении необходимых документов, «дискриминация, оскорбления от расистски настроенных людей» (по 17%), тоска по родине (15%), проблемы с приобретением жилья (10%),

языковые проблемы (неумение говорить по-испански), отсутствие друзей (3%) (11, с. 18).

Система приоритетов, наиболее важных для мусульман, распределялась следующим образом: семья (9,4 балла), работа (9,2), религия (8,5), друзья (7,7), свободное время (7,1). Предпоследнее и последнее места занимали различные «организации» и «политика» (соответственно 5,1 и 4,4 балла). 84% респондентов заявили, что не состоят ни в какой организации, среди иммигрантов, участвовавших в деятельности каких-либо организаций, 7% отдавали предпочтение благотворительным организациям, 3 – религиозным, 2% – правозащитным (11, с. 12).

Опрос зафиксировал высокий уровень религиозности мусульман. На 10-балльной шкале оценок, где 0 означает отсутствие религиозности, а 10 – максимальный уровень, средний балл опрошенных мусульман составлял 7,7. 49% опрошенных считали себя «постоянно практикующими», 36 – «нерегулярно практикующими», а 13% – «непрактикующими» (11, с. 38). Высокий уровень религиозности отнюдь не свидетельствует о том, что мусульмане-иммигранты стоят на фундаменталистских позициях. Напротив, они исповедуют ислам толерантный и открытый. 80% мусульман-иммигрантов согласны с утверждением, что «исламская вера полностью совместима с демократией и правами человека», 78% опрошенных считают, что «три монотеистические религии (иудаизм, христианство и ислам) одинаково уважаемы и ни одна из них не должна рассматриваться как стоящая выше другой». По мнению такого же числа респондентов, «государство должно быть абсолютно нейтральным в религиозном плане и не должно поддерживать и защищать никакую религию в ущерб другой». Те же 78% полагают, что в современной Испании «мусульмане и христиане стремятся к взаимопониманию и взаимоуважению» (11, с. 47, 49).

Лишь 17% респондентов заявили, что в своей религиозной практике «сталкиваются в Испании с препятствиями». Напротив, подавляющее большинство (80%) утверждают, что «ни с какими препятствиями не сталкиваются» (11, с. 41). Примечательно, что во Франции доля последних в 2005 г. была заметно ниже – так считали чуть больше половины мусульман – участников социологических исследований (11, с. 41).

Безусловно, к приведенным данным следует относиться сдержанно. Они, как и любой опрос, дают представление об установках и настроениях лишь некоторой части мусульманского населения. Вместе с тем опросы среди других групп иммигрантов-мусульман, проводившиеся теми же экспертами в 2006 и 2007 гг., дали сходные результаты.

Следует также иметь в виду, что существуют принципиальные различия между восприятием Запада мусульманами в самих исламских странах и мусульманами-иммигрантами. Если первые в целом воспринимают западные реалии негативно, то вторые – позитивно. Испания же в этом контексте вообще особый случай. Марокканцы, составляющие здесь львиную долю мусульман-иммигрантов, настроены к Западу весьма благожелательно. Марокканская община Испании выделяется в ряду западноевропейских мусульманских общин своим заметно выраженным позитивным отношением к западному обществу и его ценностям. Сказывается специфика марокканской практики ислама. В Марокко соблюдение религиозных правил не является обязательным, «планка» религиозных запретов по сравнению со многими другими исламскими странами снижена. Радикальных проявлений ислама не наблюдается. Дают знать о себе и либеральные реформы, проводившиеся в последнее время (например, отмена многоженства). Некоторые марокканки одеваются по-европейски. Конституция 1972 г. в соответствии с Декларацией прав человека провозгласила равенство прав марокканцев без различия полов. В обществе, точнее в его образованных слоях, стало распространяться представление о том, что женщины могут занимать любые должности и участвовать во всех сферах частной и общественной жизни. Однако на практике их участие в публичной деятельности остается крайне незначительным.

В Испании у перебравшихся сюда мусульманок возможностей для достижения экономической независимости и свободы самовыражения значительно больше, чем на родине. Уже сам факт эмиграции в чуждую социокультурную среду рассматривается ортодоксальными исламистами как нарушение традиционных культурных норм (впрочем, это же распространяется и на мужчин). Для верующих мусульманок нарушением становится и необходимость работать вне дома, выходить на улицу одной. В данном случае тра-

диционные нормы поведения переселенков вступают в противоречие с европейским культурным контекстом. Оправданием работы вне дома (и самооправданием для женщины) становится необходимость поддержать семью (отсутствие работы у мужа, долги и т.д.).

Иммигрантки из Марокко нередко имеют большие, чем мужчины, возможности для соприкосновения с испанской социокультурной средой. Работая домашней прислугой, присутствуя на родительских собраниях, они как бы «изнутри» узнают реалии западного общества. Особенно восприимчивы к западным ценностям и образу жизни молодые, образованные и незамужние мусульманки, кредо которых – женское равноправие.

Влияние новой социокультурной среды не обходит и перебравшихся в Испанию марокканцев. Так, для мужчины, привыкшего быть защитником и хранителем семейного очага, согласиться с тем, что его жена работает вне дома, – серьезная психологическая ломка, переосмысление традиционных представлений о распределении ролей в семье. Не следует забывать, что в ортодоксальной мусульманской среде мужчина, неспособный обеспечить свою семью, рассматривается как неудачник.

Но, воспринимая некоторые западные ценности, мусульмане остаются в целом приверженцами многих традиционных норм поведения. Они высказываются против внебрачных связей, абортов. Часть мусульманок, в том числе молодых, не отказывается от ношения хиджаба.

Одним из наиболее эффективных средств интеграции марокканцев в испанское общество могли бы стать смешанные браки. Однако культурная традиция марокканцев, выражающаяся в тяге к эндогамии, препятствует их заключению. Для марокканца жениться на испанке означает разорвать семейные, религиозные и культурные связи. Для марокканки выйти замуж за испанца означает нарушить установленные исламской традицией права мужчины или брата определять ее будущего мужа. Кроме того, в этом случае дети марокканки не будут признаны законными членами ее патрилинейной семьи.

Ориентация на браки только с мусульманами, верность патрилинейной семье очерчивают пределы сдвигов в менталитете многих иммигрантов из Марокко. По существу, в их практических действиях переплетаются элементы традиционализма с адаптаци-

ей к некоторым западным культурным нормам (у женщин – это работа вне дома, ориентация на равенство полов в повседневной жизни, следование за испанками в одежде и макияже).

84% опрошенных мусульман считают, что мусульманская вера вполне совместима с испанской идентичностью, можно быть «одновременно примерным мусульманином и примерным испанцем» (11, с. 47). Этот гибридный тип сознания определяется влиянием двух социокультурных общностей, между которыми как бы находятся мусульмане: они живут, потребляют, вкладывают деньги и строят планы на будущее в Испании. И вместе с тем они хотят остаться марокканцами и мусульманами: с интересом следят за тем, что происходит на их родине, проводят там летние отпуска, переводят часть сбережений своим родственникам и помогают им перебраться в Испанию. Они хотят, чтобы их дети, получив хорошее образование в испанских учебных заведениях, остались вместе с тем примерными мусульманами. В этом плане решающую роль, по их мнению, призваны сыграть соблюдаемые в семье нормы ислама и родной язык.

Своеобразие позиции многих мусульман состоит в том, что, позитивно относясь к испанским и западным реалиям, они тем не менее предпочитают жить обособленной от коренного населения жизнью, своего рода параллельным миром. Приведем мнение мусульманки из Марокко, принадлежащей к числу интегрированных мусульман. Эта женщина вышла в Испании замуж за коренного жителя и работает секретарем в дирекции предприятия. Переехав в Испанию, она выучила испанский и другие иностранные языки. Она не носит хиджаб. Семья с уважением относится к ее браку с европейцем и к манере одеваться. По мнению этой переселенки, проблема многих марокканцев состоит в том, что они не интегрируются в испанское общество. «Среди них есть группы, "не открывающиеся вовне"... В лучшем случае они идут на контакт только во время работы. Но когда нужно завести друзей или провести конец недели, обособляются. Некоторые даже не пытаются говорить на испанском языке и изучать его. Считаю, что это плохо: если приезжаешь в страну, необходимо интегрироваться и адаптироваться, изучать, если это необходимо, испанский язык и делать все, чтобы интегрироваться» (6, с. 173).

Соглашаясь с приведенной точкой зрения, дополним ее одним соображением. Нежелание многих марокканцев интегрироваться может быть связано, в числе прочего, с негативным отношением к ним части коренного населения.

Дети и внуки иммигрантов, находящиеся «на перекрестке» разнообразных влияний – семейного воспитания, образования в испанской школе, общения с испанскими сверстниками, средств массовой информации, – готовы в большей степени, чем их отцы и деды, к культурному сосуществованию с коренным населением. Вместе с тем, хотя молодые марокканцы высказываются против беспрекословного подчинения отцовской власти, уважение к родителям остается для них незыблемой ценностью.

Состояние гибридности, своего рода «разорванности» сознания многих мусульман передает фраза одной из иммигранток: «Я уважаю традиции, но знаю и другие вещи» (22, с. 97).

В Испании, как и повсюду, отношение к иммиграции разобщает общество. Это отношение представляет собой сложный социально-психологический комплекс, в котором толерантность и дружелюбие соседствуют с расизмом и ксенофобией. Исторически в стране существовала традиция нетерпимого отношения к иноверцам и подозрительности к ним, сложившаяся еще во времена Средневековья. Франкистская диктатура в первые два десятилетия своего правления, опираясь на эту традицию, осуществляла политику автаркии, создания изолированного, замкнутого государства. Пережитки «изоляционистского комплекса» сохраняются у части населения и по сей день. Политические и социально-экономические перемены в Испании за последние примерно полвека резко опережали изменения в общественном сознании, привычках и обычаях, несущих на себе отпечаток веками складывавшихся нетерпимости и недоверия к чужеземцам.

Многое объясняется также западноцентристскими представлениями, идеей превосходства Запада над Востоком, в частности над мусульманским миром, которая сформировалась после открытия Америки и изгнания мусульман и евреев из Испании. В соответствии с этой точкой зрения богатое научное и культурное наследие мусульманского мира игнорируется, он воспринимается как закрытый и не подлежащий реформированию носитель иррационализма и агрессии (18, с. 362; 21, с. 89). Отсюда – представление о

мусульманах-иммигрантах как «существах низшего порядка», неспособных интегрироваться в испанское общество.

Негативному отношению к переселенцам-мусульманам, их отторжению в Испании исторически противостояло уважительное восприятие представителей других национальностей, вероисповеданий и рас, которому благоприятствовал сам многонациональный характер испанского государства. В период позднего франкизма (конец 1960-х – первая половина 1970-х годов), когда режим «открылся» внешнему миру (миллионы испанцев в эти годы начали ездить за границу, а страну стали посещать многочисленные иностранные туристы), и особенно на постфранкистском этапе, после вступления Испании в ЕС, традиция толерантности окрепла.

Многие испанцы относятся к иммигрантам дружелюбно, не забывая о том времени, когда сами зарабатывали на жизнь на чужбине. В этой среде разнообразие и диалог культур воспринимаются как «богатство» все более глобализирующегося мира. По словам одного из опрошенных испанцев, присутствие иммигрантов – положительный фактор. «Благодаря им мы познаем другие культуры, изучаем их обычаи, а они изучают наши. Это и есть процесс взаимной адаптации». Испанцы – участники опросов высказываются за необходимость «смешения культур», «метисации», признают, что «многому научились у иностранцев». Сторонники мультикультурализма разделяют мнение, что «равноправие коренного населения и иностранцев не требует культурной ассимиляции иммигрантов» (6, с. 189, 204).

Вместе с тем симпатии коренного населения к переселенцам распределяются по-разному. Наибольшим расположением пользуются иммигранты из стран ЕС, в которых испанцы видят носителей экономического благополучия, модернизации, стимулирующих развитие испанской экономики. В целом лояльно коренное население относится к латиноамериканцам, говорящим по-испански, исповедующим католицизм и без особых проблем способных адаптироваться к местным обычаям. Определенным расположением испанцев пользуются и выходцы из стран Восточной и Центральной Европы. Так, в среде испанских предпринимателей сложилось устойчивое мнение о поляках как о хороших работниках. В некоторых объявлениях о приеме на работу прямо говорится о желании видеть на рабочем месте именно поляка (23, с. 85).

Заметно хуже отношение испанцев к выходцам из расположенных по соседству стран Магриба, прежде всего к марокканцам, которые воспринимаются как «чуждая и опасная сила». Мотивы этой неприязни различны. Здесь переплетаются и восприятие иммигрантов как конкурентов в борьбе за рабочие места, и боязнь утраты культурной гомогенности, и просто отторжение «других». Главное, что отдаляет испанцев от мусульман, – это отношение к исламу как к агрессивной религии, отождествление мусульман с экстремистами. По словам одного из коренных жителей, «арабы живут обособленно: дело в проклятой религии. Они представляют собой самую закрытую общину. Большинство, если не все, создают свои кланы, группы и обособляются» (6, с. 189, 204).

Раздражающим фактором в отношении коренного населения к арабам-мусульманам стала проблема мечетей. В испанской печати неоднократно сообщалось о выступлениях протеста против их строительства, которые инициировали испанцы, живущие поблизости. Позиция части местных жителей во многом объясняется тем, что некоторые мечети, как установлено испанскими правоохранительными органами, становятся прибежищем террористов, из них звучат призывы к борьбе с «неверными». Вероятно, многие противники строительства мечетей не задумываются о том, что отнюдь не все имамы призывают к борьбе с «неверными» и далеко не все мечети укрывают террористов.

Наглядное представление об отношении испанцев к социальным контактам с марокканцами дает ответ на вопрос: «Спокойно ли вы отнесетесь к тому, что ваш сын или дочь вступят в брак с гражданином этой страны?» Утвердительный ответ на этот вопрос, предполагающий высокую степень близости мусульман с коренными жителями, дали 54% респондентов, а это существенно меньше, чем доля давших положительный ответ в отношении граждан ЕС, Латинской Америки и Восточной Европы (соответственно 73, 69 и 68%) (5, с. 133).

Показательны отношения между коренными жителями и марокканцами в смешанных по составу населения кварталах городов. Особенность Испании состоит в том, что марокканцы, как и другие переселенцы, отнюдь не всегда живут большими общинами. Чаще они рассеяны по территории того или иного населенного пункта. Таким образом, в смешанных городских кварталах у же

сейчас закладывается прообраз завтрашней Испании. Эксперты выделяют три возможные модели взаимоотношений различных этнических общин.

1. Совместное проживание. Соседи разного происхождения активно взаимодействуют при уважении базовых ценностей и моральных норм каждой из сторон.

2. Сосуществование. Общение сводится к необходимому минимуму и носит чисто прагматический характер. Люди идентифицируют себя только со своей этнической группой, существует скрытое недоверие к другим и потенциально конфликтная обстановка.

3. Вражда. Напряженная ситуация, конфронтация, которая может вспыхнуть при отсутствии механизмов ее регулирования. Существует всеобщее недоверие. Во всем обвиняют «другого», в нем видят угрозу (12, с. 1263).

Социологические исследования свидетельствуют, что в реальной жизни встречаются все три модели, однако преобладает сосуществование. Коренные жители и марокканцы (равно как и представители других этнических групп) живут параллельными мирами. Открыто не враждуют, они общаются только по необходимости и не интересуются друг другом. Характерны высказывания жителей кварталов: «Мы сосуществуем, не смешиваясь», «мы движемся к разобщенным общностям» (13, с. 1406-1407).

Все больше коренных жителей отождествляют интеграцию арабов-мусульман в испанское общество с их ассимиляцией. Испанские социологи описывают смысл крепнущего среди коренных жителей мироощущения следующим образом: «Интегрироваться – значит стать такими, как мы. И если они к этому не приходят, значит этого не хотят. Они приехали в нашу страну и находятся здесь в меньшинстве, а потому должны прилагать усилия, чтобы интегрироваться» (5, с. 76).

Антииммигрантские настроения особенно усилились в условиях глобального экономического кризиса, больно ударившего по испанской экономике. Так, по числу безработных, составлявших в 2014 г. примерно 23,7% самодеятельного населения, Испания занимает второе место в Западной Европе после Греции (8). В 2008 г. 46% испанцев оценили численность иммигрантов в стране как «чрезмерную», 31% – как «повышенную». Только 19% опрошенных счи-

тали, что это число было «приемлемым» и 1% – «недостаточным». В повседневных разговорах испанцев, касающихся иммигрантов, обиденными стали слова «нашествие», «лавина», выражения типа «мы становимся иностранцами», «наступит время, когда иностранцев станет больше, чем испанцев» и т.д. (6, с. 43).

Неприязнь к иммигрантам порой достигает крайней степени, выражаясь в ксенофобии и расизме. Теракты 2004 г. в Мадриде, выявившие «магрибский след», только усилили антипатию к выходцам из Марокко и Алжира. К тому же после этих преступлений испанские спецслужбы неоднократно арестовывали группы или отдельных марокканцев или алжирцев по обвинению в террористической деятельности и в связях с «Аль-Каидой». В июне 2004 г., через три месяца после терактов, ислам оценивался как «худшая из религий», как «религия насилия» (57% респондентов). Число испанцев, высказавшихся за депортацию марокканцев из Испании, выросло втрое по сравнению с 1996 г. (16, с. 18).

Нетерпимость части коренного населения к арабам-мусульманам выражается в разных формах: дискриминация их при приеме на работу (неравенство по сравнению с испанцами), сверхэксплуатация на рабочем месте, ограниченность возможностей для социального продвижения. К тому же они сталкиваются с трудностями при аренде жилья – арабам вообще нередко отказывают или предлагают жилье по явно завышенной стоимости. Марокканцев и других африканцев нередко не пускают в бары и дискотеки. На африканцев совершают разбойные нападения на улицах, их жилища поджигают. Зафиксированы также случаи убийства иммигрантов.

Однако картина отношения испанцев к мусульманам далеко не столь однозначна, как может показаться. Данные опросов свидетельствуют, что доли сторонников и противников толерантного сосуществования испанцев и мусульман-иммигрантов не сильно различаются. В 2008 г. 39% респондентов заявили о своем «очень толерантном» или «достаточно толерантном» отношении к мусульманской культуре. Напротив, для 50% эта культура «малопринимлема» или вообще «непринимлема». 44% опрошенных коренных жителей согласились с тем, что иммигранты «обогащают испанскую культуру», 46% с этим не согласились (6, с. 189, 204). Цифры (даже с учетом фактора политкорректности, заставляющего часть

респондентов скрывать свое истинное отношение к переселенцам) говорят о том, что традиция толерантности к «другим» отнюдь не ушла из испанской жизни.

Показательно также, что в последние десятилетия тысячи коренных испанцев обратились в ислам. В противовес антимусульманской интерпретации испанской истории они указывают на большой позитивный вклад мусульман в развитие средневековой Испании в самых разных областях. В их среде обсуждаются проблемы компенсации потомкам мусульман, изгнанных когда-то из Испании, а также восстановления мусульманского государства на юге страны.

Стереотипы массового сознания

Испанский опыт выявляет некоторые ложные стереотипы массового сознания, характерные и для многих других стран. К таковым относится, например, проведение четкой разграничительной линии между выходцами из богатых и бедных стран. Если первые, по распространенному мнению, содействуют экономическому развитию страны, то вторые наносят ему ущерб. Первые – что-то «дают» Испании (инвестиции, опыт, знания); вторые – «просят» у нее разные блага (в частности, пособия) или «отнимают» что-то у коренных жителей (прежде всего – работу). Показательно и то, что выходцы из развитых стран для «среднестатистического» испанца – это всегда квалифицированные рабочие, а из слаборазвитых – неквалифицированные.

Подобное разделение ролей – ложный стереотип массового сознания, укоренившийся во многом благодаря воздействию части средств массовой информации. В действительности квалифицированные и неквалифицированные рабочие есть среди выходцев как из развитых, так и слаборазвитых стран, причем, вторые также вносят существенный вклад в развитие испанской экономики и повышение благосостояния населения.

Несоответствие между сформировавшимися представлениями многих испанцев и реальной действительностью проявляется и в том, что к иммигрантам они причисляют отнюдь не всех иностранцев. Иммигранты для них – это «арабы», «мавры», «марокканцы». Это слово несет в себе явный негативный, уничижитель-

ный смысл. Переселенцев же из развитых стран коренные жители называют словом «иностранцы», носящим нейтральный оттенок.

К числу ложных стереотипов массового сознания относится и восприятие иммиграции как угрозы национальной безопасности. Особенно часто с переселенцами, прежде всего нелегальными, связывают рост преступности. Определенной части политической элиты выгодно эксплуатировать эту тему, сваливая на «людей без документов» ответственность за усиление социальной напряженности и отвлекая внимание населения от других острых проблем и собственных просчетов и ошибок. В немалой степени под влиянием пропаганды власть имущих в разных слоях общества формируется представление об «иммигрантах как преступниках». Например, в 1991 г. 43%, а в 2002 г. – уже 59% опрошенных связывали увеличение иммиграционных потоков из слаборазвитых стран с ростом преступности в Испании (5, с. 185).

Характерно, что единичные факты преступлений и проступков иммигрантов нередко переносятся на весь этнос в целом. Вот признание опрошенной перуанки: «На улице люди сторонятся тебя, видя, что ты иностранец. Это стало особенно заметно после инцидента в Барселоне с перуанцами, которые занимались грабежом на дорогах. Люди обобщают и говорят, что все перуанцы одинаковы» (22, с. 298).

На первый взгляд, связь между нелегальной иммиграцией и преступностью выглядит весьма правдоподобной. Испанская статистика фиксирует неуклонный рост преступности среди нелегальных иммигрантов, особенно ощутимый в сопоставлении с аналогичными показателями среди коренного населения. Например, в 1994 г. в испанских тюрьмах находились 7573 тыс. иммигрантов, а в 2005 г. – уже 18 393. Таким образом, за 11 лет численность их возросла на 142,9%. За это же время доля заключенных коренных жителей увеличилась только на 5,6% (26, с. 31). Речь в данном случае идет о переселенцах, отбывающих тюремный срок. Число же иммигрантов, ежегодно задерживаемых полицией за всевозможные правонарушения, во много раз больше.

Более быстрый рост «иммигрантских» преступлений по сравнению с аналогичным показателем среди коренных жителей во многом объясняется маргинализацией чужестранцев, обуславливающей предрасположенность части их к противоправным и

уголовным деяниям. Подчеркнем, что речь идет о нелегалах. Среди же легальных иммигрантов преступность распространена меньше, чем среди коренных жителей. Имея работу и одновременно зная о недоверии, которое они вызывают, эти люди предпочитают как можно меньше обращать на себя внимание (5, с. 192).

Вместе с тем на статистику влияют действия правоохранительных органов. Дело в том, что опасность быть задержанными для иностранцев гораздо выше, чем для испанцев, по причине антииммигрантского настроения в полицейской среде. Представители правоохранительных органов признают, что получают распоряжения, отличающиеся ксенофобской направленностью. Причиной задержания иммигранта может стать уже сам по себе факт отсутствия у него необходимых документов. Кроме того, возможность юридической защиты у иммигрантов, равно как и уплата залога за поручительство, зачастую весьма ограничена по финансовым причинам.

Статистика свидетельствует, что подавляющее большинство иммигрантов не нарушают испанское законодательство и не совершают преступлений. Так, в 2005 г. в тюрьмах находились лишь 18 393 иммигранта, или 0,4% от общей их численности (свыше 4 млн человек) (5, с. 30).

Накопленный Испанией опыт подтверждает, что влияние иммиграции на реалии той или иной страны не поддается однозначной оценке. Будучи необходимыми стареющей испанской нации, внося несомненный позитивный вклад в экономическое развитие общества, переселенцы создают и немало сложностей, прежде всего в социально-психологическом плане. Впрочем, в силу относительной «молодости» модель взаимоотношений иммигрантов с коренным населением находится в Испании лишь в процессе становления. Нельзя исключить, что в ходе дальнейшего развития она будет корректироваться и приобретет несколько иные очертания.

Список литературы

1. Aparicio Gómez R. Las «segundas generaciones» en España: Marroquíes, dominicanos, peruanos // Cuadernos europeos de Deusto. – Bilbao, 2007. – N 36. – P. 19–56.

2. Arellano Millan M. Trabajadoras latinoamericanas en España: Migraciones laborales y genero // Cuadernos de relaciones laborales. – Madrid, 2006. – Vol. 12. – P. 151–179.
3. Blanchar C. La tasa del paro de los inmigrantes dobla de la población autoctona en Cataluña // El País. – Madrid, 2013. – 12.07. – P. 22.
4. Cachon Rodrigues L. La formación de la España inmigrante: Mercado y ciudadanía // Revista Española de investigaciones sociológicas. – Madrid, 2002. – N 97. – P. 95–126.
5. Cea D’Ancona M.A. La activación de xenofobia en España: Qué miden las encuestas? – Madrid, 2004. – 363 p.
6. Cea D’Ancona M.A., Valles Martínez M.S. Evolución del racismo y la xenofobia en España: Informe 2009. – Madrid, 2009. – 395 p.
7. Hernández Pedreño M., Tovar Acre M. La inserción laboral de la población inmigrante en España // Mediterráneo migrante: Tres décadas de flujos migratorios / C. de Castro Pericacho, E. Gadea, N. Moraes, A. Pedreño (Eds.). – Murcia: Editum, 2010. – P. 93–118.
8. El INE confirma que España creó 433.000 empleos en 2014 // Eldiario. – 2015. – 22.01. – Mode of access: http://www.eldiario.es/economia/INE-confirma_0_348565192.html (Дата обращения – 01.04.2015).
9. Extranjeros residentes en España a 30 de junio de 2014: Principales resultados / Ministerio de empleo y seguridad social. – 2014. – 16 p. – Mode of access: http://extranjeros.empleo.gob.es/es/Estadisticas/operaciones/con-certificado/201406/Residentes_Principales_Resultados_30062014.pdf (Дата обращения – 01.04.2015).
10. Izcara Palacios S.P. Infraclases rurales: Procesos emergentes de exclusión social en España // Revista Española de investigaciones sociológicas. – Madrid, 2002. – N 97. – P. 127–154.
11. La comunidad musulmana de origen inmigrante en España: Encuesta de opinión de 2008 / Ministerio del interior; Ministerio de justicia; Ministerio de trabajo y asuntos sociales. – Madrid, 2009. – 64 p. – Mode of access: http://www.fct.urjc.es/oicam/enlaces/docs/informe_musulmanes_2008.pdf (Дата обращения – 01.04.2015).
12. La convivencia e integración social en barrios multiculturales: La experiencia de un municipio del área metropolitana madrileña / Gómez Crispo P., Echevarría Vecino L., Rico Donovan E., Rubio Cayuela M., Barreto C., Tovar Garcia L.A. // V Congreso sobre la inmigración en España: Migraciones y desarrollo humano. – Valencia, 2007. – P. 1259–1268.
13. La convivencia interétnica en un contexto de la globalización de los flujos migratorios: El barrio de San Francisco (Bilbao) / Tejerina B., Cavia B., Gatti G., Gómez A., Martínez de Albeniz I., Rodríguez S., Santamaría E. //

- V Congreso sobre la inmigración en España: Migraciones y desarrollo humano. – Valencia, 2007. – P. 1402–1410.
14. La inmigración aporta el 10% del PIB español a pesar de la crisis // Expansión. – 2011. – 11.05. – Mode of access: <http://www.expansion.com/2011/05/11/economia/1305116157.html> (Дата обращения – 01.04.2015).
  15. Los inmigrantes abandonan España por el alto paro // ABC. – Madrid, 2013. – 13.06. – P. 15.
  16. Los musulmanes en España: Libertad religiosa e identidad cultural / A. Motilla (Ed.). – Madrid: Trotta, 2004. – 283 p.
  17. La tasa de desempleo entre la población inmigrante duplica a la de los autóctonos // El País. – Madrid, 2012. – 30.10. – P. 23.
  18. Martín Muñoz G. Emigración e Islam // Inmigración y procesos de cambio: Europa y el Mediterráneo en el contexto global / G. Aubarell, R. Zapata-Barrero (Eds.). – Madrid: Icaria, 2004. – P. 351–374.
  19. Morales J.J., de Castro Pericacho C., Ribes A.J. Atrapados en el círculo perverso de las interacciones sociales // Mediterráneo migrante: Tres décadas de flujos migratorios / C. de Castro Pericacho, E. Gadea, N. Moraes, A. Pedreño (Eds.). – Murcia: Editum, 2010. – P. 191–216.
  20. Noya F.J. La nueva imagen de España en América Latina. – Madrid: Tecnos, 2009. – 547 p.
  21. Pajares M. La integración ciudadana: Una perspectiva para la inmigración. – Barcelona: Icaria, 2005. – 247 p.
  22. Ramírez Goicoechea E. Inmigrantes en España: Vidas y experiencias. – Madrid, 1996. – 611 p.
  23. Ramírez Goicoechea E. La comunidad polaca en España: Un colectivo particular // Revista Española de investigaciones sociológicas. – Madrid, 2003. – N 102. – P. 63–92.
  24. Sánchez Nogales J.L. El Islam entre nosotros: Cristianismo e Islam en España. – Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 2004. – 302 p.
  25. Solano J.C., Frutos Balibrea M.D. Estructura ocupacional de la población inmigrante: Aproximación a la región de Murcia // Mediterráneo migrante: Tres décadas de flujos migratorios / C. de Castro Pericacho, E. Gadea, N. Moraes, A. Pedreño (Eds.). – Murcia: Editum, 2010. – P. 119–144.
  26. Tezanos J.F., Tezanos Vázquez S. La cuestión migratoria en España: Tendencias en inmigración y exclusión social // Sistema. – Madrid, 2006. – N 190/191. – P. 9–39.